

Глава 18. Сделка ценой в Камень беременности

Чем выше взлетают надежды, тем больнее падать в пропасть разочарования.

Ливия подошла к обучению Симона с почти исступленным рвением. Она всем сердцем желала взрастить из него добродетельного Музыкального Охотника — такого же, каким был её покойный муж. Однако истинная натура Симона обрекла эти старания на провал.

Ливия без устали твердила, что музыка — это искусство, несущее миру гармонию и свет. Но ничто не могло поколебать веру Симона в абсолютную власть силы. Какую бы мелодию он ни выводил своей дирижёрской палочкой — умиротворяющую, нежную, лёгкую или величественную — в его исполнении она неизменно превращалась в яд, припорошенный сахарной пудрой, в изощрённую и смертоносную ловушку.

Одно время Ливия испытывала к Нэн-способности Симона почти физическое отвращение. Но, памятуя об обязательствах перед Джином, она продолжала исполнять свой долг наставницы: безукоризненно указывала на ошибки в технике и делилась тончайшими нюансами музыкального мастерства.

— Спину держи ровно, сохраняй невозмутимость, — наставляла она, выведя Симона на вершину утеса, откуда открывался вид на весь остров. — Разверни плечи... Вот так, хорошо!

Она верила, что бескрайний горизонт поможет привить Симону ту широту души, которой ему недоставало.

Аристократизм был у него в крови, это бросалось в глаза. Однако возраст и недостаток жизненного опыта мешали ему проявлять ту естественную властность, которая куётся лишь годами испытаний. Ливия надеялась, что созерцание мощи природы смягчит его сердце и сделает его ауру более мирной.

Симон, и без того придерживавшийся строжайшего этикета, в вопросах осанки был безупречен.

— Славно. Теперь слегка приподними подбородок, чтобы видеть всех музыкантов... Впрочем, для тебя это вторично: твоя задача — затянуть противника в «Музыкальную иллюзию», — Ливия нахмурилась и, подавив вздох, продолжила: — Вес тела плавно переноси с ноги на ногу. Движение допустимо, но не злоупотребляй им. Есть вопросы?

— Мастер Ливия, если я останусь неподвижен, как мне защититься от врага, решившего подобраться вплотную? — почтительно осведомился Симон. — Не могли бы вы обучить меня технике быстрого перемещения? Чтобы я мог избегать опасности, не теряя при этом достоинства?

— А руки тебе на что? — строго спросила Ливия, в упор глядя на ученика. — Разве Джин не учил тебя, как использовать Хацу?

— Чужой путь ведет в тупик. Я хочу знать больше, чтобы найти свой собственный стиль боя, — Симон, не отводя взгляда, спокойно встретил взор наставницы. Его голос звучал предельно серьезно.

— Хорошо, — сухо обронила Ливия. Помолчав, она добавила: — Но ты должен освоить хотя бы одну мелодию, несущую созидание.

— Это проще простого, — Симон едва заметно улыбнулся. — Благородство всегда жило в моем сердце, госпожа Ливия. Прошу вас, примите композицию, которую я создал специально для вас. Она называется «Борьба».

Он сказал «для неё», но на самом деле эта музыка была криком его собственной души. Симон жаждал свободы, но цепи долга десятилетиями удерживали его в ливрее дворецкого. Так долго, что он почти позабыл свое истинное «я».

Обычно Ливия не позволила бы себе так легко провалиться в чужую иллюзию. Но едва зазвучали первые ноты, едва скрытая в них страсть и обольстительный призыв коснулись её слуха, как эта умудрённая опытом женщина невольно начала отбивать такт, сама того не замечая, погружаясь в выстроенный Симоном мир.

«Так вот какую борьбу он видит?..» — прошептала она, вглядываясь в пространство иллюзии.

Там бушевал шторм. Смерч, обладающий почти божественной сокрушительной силой, терзал пространство. Небо, казалось, раскалывалось пополам, и человеческая мощь перед лицом этого величия природы выглядела ничтожной.

С изумлением Ливия почувствовала, что её тело медленно отрывается от земли. Подхваченная яростным вихрем, она неслась к небесам, навстречу слепящему свету, пробивающемуся сквозь рваные тучи.

— Симон? — негромко позвала она. — Где ты?

Ей стало не по себе. Хотя Симон и называл её наставницей, она прекрасно понимала, на что способен этот юноша.

— Я здесь, учитель. Наслаждайтесь тем миром, который я сотворил для вас, — мягкий голос Симона прозвучал у самого её уха, отчетливо, несмотря на рев бури.

Ливия коснулась волос, растрепанных ветром, и замерла, глядя на крошечную царапину на пальце, из которой сочилась кровь.

— Эта иллюзия... она реальна?

— Мастер Ливия, — серьезно отозвался Симон, — она будет реальной до тех пор, пока вы сами в это верите.

Ливии действительно нравилось это чувство полета, особенно когда она проносилась в волоске от эпицентра смерча, наблюдая, как ветер перемалывает всё на своем пути. В ней проснулся азарт — ликующее чувство победы над стихией. Тяжелое давление ауры, которое она ощущала постоянно, теперь превратилось в некий упоительный груз.

— Госпожа Ливия, прошу вас, не опускайте голову. Смотрите только в небо.

Золотые лучи солнца пробивались сквозь тучи, создавая подобие божественного чертога. В этот миг Ливия поняла всё, что Симон хотел выразить: ради своей цели он готов был разбиться вдребезги. Такова была его борьба.

Восхищение в душе Ливии боролось с нарастающей тревогой. Способность Симона пугала. Если бы он затянул её в самое сердце торнадо, смогла бы она выбраться оттуда невредимой?

Теперь ей стала ясна судьба тех смертников, которых она приводила для его тренировок. Все они погибли. С такой пугающе достоверной иллюзией даже она могла оступиться, что уж говорить об обычных людях.

Если ты умираешь здесь, в реальном мире твоё тело тоже перестает дышать. Когда гибнет душа и замирает разум — человек мертв. Всё просто.

Это была колоссальная сила. В умелых руках она превращалась в идеальное орудие убийства. Теоретически, вырваться из такой ментальной хватки было почти невозможно. Почти. Как вода гасит пламя, так и этот дар пасовал перед теми, кто полагался на чистую, грубую мощь и запредельную скорость.

Именно поэтому Симон так отчаянно стремился отточить навыки ближнего боя.

«Должна ли я помогать такому опасному человеку становиться сильнее?» — на лбу Ливии прибавилось морщин.

После ужина, согласно своему строгому распорядку, Симон направился на чердак для медитации.

Ливия промокнула губы салфеткой и негромко окликнула его:

— Симон, постой.

— Слушаю вас, Мастер Ливия, — вежливо отозвался он.

— С Джином ты держишься так непринужденно, почему же со мной так официально? — в голосе Ливии промелькнуло недовольство.

Симон, ничуть не смутившись, ответил с привычной учтивостью:

— Потому что вы пользуетесь моим глубочайшим уважением.

— Потому что я стара и некрасива, — Ливия устало махнула рукой, пресекая его извинения, и притворно потерла уголок глаза. — Знаю я вас, молодежь. Вам подавай всё яркое и прекрасное. Куда уж мне, старухе, тягаться с вашими идеалами.

— Вы преувеличиваете, Мастер Ливия, — Симон вздохнул и, вернувшись, собственноручно налил ей чашку чая. Зайдя со спины, он принялся мягко массировать её плечи. — Ваше очарование — в мудрости, накопленной годами. Мы, младшее поколение, взираем на вас с благоговением. Вы ведете нас за собой, делаясь колоссальным опытом. Я только и мечтаю, как бы угодить вам, как же я могу не хотеть быть ближе?

— Я стара, но не слепа, — Ливия с комфортом откинулась на спинку стула. — Ты ведь не любишь оставаться в должниках, верно?

Симон на мгновение замер, но он тут же продолжил массаж. Его лицо осталось бесстрастным.

— Смотря о чем речь, — тихо проговорил он. — Ту пользу, что вы мне приносите, я принимаю с благодарностью. И если вам когда-нибудь что-то понадобится — хоть в огонь, хоть в воду, я выполню любой ваш приказ.

— Мне не нужны такие жертвы, — Ливия покачала головой и жестом велела Симону сесть напротив. Она долго и пристально изучала его лицо.

— Мастер Ливия?

— Жаль... слишком поздно, — наконец со вздохом произнесла она. — Если бы я встретила тебя на несколько лет раньше, пока твой характер еще не заостренел, всё могло быть иначе!

— Такова судьба, я не в силах на неё повлиять, — Симон не понимал, к чему она клонит, и лишь вежливо поддакивал.

Ливия на мгновение замялась. Её величественная осанка знатной дамы вдруг исчезла, уступив место облику обычной, уставшей старушки. Посмотрев на Симона взглядом, полным затаенной печали и вины, она наконец решилась высказать то, что обдумывала многие дни:

— Симон, окажи мне одну услугу. Взамен я буду считать, что полностью оплатила свой долг учителя. Согласен?

Симон удивленно приподнял бровь. Он не стал отказываться, но и соглашаться не спешил, расставляя словесные ловушки:

— Как я могу принять такое предложение? Если это в моих силах — только скажите.

— Мне неловко об этом просить, но ради последней воли мужа я должна, — Ливия смущенно отвела взгляд. — Симон... не мог бы ты отдать мне своего первого ребенка на воспитание?

Симон едва заметно прищурился. Он мгновенно насторожился, но внешне остался спокоен.

— Первая обязанность отца — самому воспитывать детей, — осторожно начал он. — К тому же у меня даже невесты нет. Не рановато ли для таких разговоров?

— Не рановато, совсем не рановато, — Ливия, видя, что он не ушел, просветлела лицом. — Это Остров Жадности. Здесь невозможное становится реальностью.

— Вот как? — Симон прищурился. — Вы хотите, чтобы я женился на ком-то из местных? Но способности матери напрямую влияют на дитя. Зачем вам такой ребенок?

Ливия с загадочным видом достала из шкафчика гладкий камень и вложила его в руки Симона.

— Рожать будет не мать. Рожать будешь ты.

— Я?!

— Да. Нет кандидата лучше, — Ливия кивнула, в её глазах читалась почти детская мольба. — Твой дар к музыке, твоя несгибаемая воля... Поверь мне, твой наследник будет гением!

— Стойте... — Симон округлил глаза, в его голосе прорезалось возмущение. — Я мужчина! Как я могу... И вам не кажется, что судить о нерожденном ребенке по моим задаткам — это верх безрассудства?

— Вовсе нет, — терпеливо пояснила Ливия. — Ты знаешь, что у тебя в руках?

— И что же это?

— Камень беременности. Мужчина или женщина — неважно. Если носить его при себе три месяца, наступит беременность, — Ливия решила добить его откровением. — Дитя, рожденное с помощью этого камня, наследует абсолютно все таланты родителя. Всё, кроме памяти.

— То есть, своего рода магическое клонирование? — Симон начал понимать суть. — Но вы так и не ответили: зачем вам мой ребенок?

— Раз я не могу изменить твою натуру, я выращу его с пеленок. Я воспитаю истинного наследника идей моего мужа, — Ливия лихорадочно блеснула глазами. Она больше не походила на знатную даму, скорее на одержимую мечтой фанатку. — Через двенадцать лет мир снова увидит гениального Музыкального Охотника! Обещай мне! Ради меня, ради будущего этого ребенка — соглашайся!

Симон посмотрел на Ливию, затем на камень в своих руках. Он холодно и хищно улыбнулся.

— И какую цену вы готовы заплатить?

— Ты же говорил, что сделаешь для меня всё что угодно! — Ливии явно не понравилось, как быстро Симон перешел к торгам. Она гневно сверкнула глазами. — Так быстро берешь свои слова назад?

— Я обещал это мастеру Ливии. Но вы должны понимать: без достойной выгоды я не пойду на то, что претит моей природе, — Симон элегантно закинул ногу на ногу и достал сигарету. Прикурив, он выпустил облако дыма и продолжил сквозь серую дымку: — Вы сами сказали: «считай, мы в расчете». Значит, теперь это просто сделка. Вы только что растоптали мою мужскую гордость, потребовав, чтобы я, в моем-то возрасте, вынашивал плод. После такого оскорбления вы всё еще ждете от меня почтения?

— Что тебе нужно? — Ливия внезапно успокоилась. Она выпрямилась, приняв свой обычный властный вид.

Она наконец-то начала воспринимать его как взрослого игрока. Маска доброй бабушки была отброшена за ненужностью.

— Мы оба люди благородного круга, так что оставим притворство, — Симон сбросил личину учтивости, холодно и хищно улыбнувшись, как аристократ. — Я хочу, чтобы вы обучили меня настоящему мастерству. Искусству убивать, а не бесконечным правилам этикета!

Ливия усмехнулась, задумчиво очерчивая пальцем круг на столешнице.

— И какому же именно искусству ты хочешь научиться? Способов убивать, знаешь ли,

превеликое множество.

— У нас есть три месяца, пока Джин не придет за мной. Мы успеем составить программу, — Симон остался непоколебим. — И еще: не пытайтесь меня обмануть. Зачем вам на самом деле мой ребенок?

— Не веришь, что я просто хочу его обучить?

— С чего бы мне верить? — Симон скептически качнул головой. — В этом мире ничего не делается просто так.

Ливия прикрыла рот ладонью и негромко рассмеялась. В чертах её старого лица на миг проступила былая, ослепительная красота.

— Хорошо, маленький лис. Я буду учить его шестнадцать лет. А в семнадцать он должен будет отправиться за «Сонатой Тьмы» вместо меня.

И уничтожить её.

— По рукам. Но в его образовании я тоже приму участие.

<http://bllate.org/book/17392/1658295>